

В окрестных деревнях разговоры о том, что «женщина в море вызывает бурю», так и не утихали. Куда бы маленький дух ни пошёл, повсюду слышал приглушённые, как людям казалось, пересуды и ловил на себе любопытные или сочувствующие взгляды.

Родственники других погибших называли его старшую сестру «звездой бедствий», считали, что именно она погубила их мужчин, и часто являлись к ним домой. Стоило им поймать мальчика, как его принимались избивать ногами и кулаками.

Долгое время маленькому духу приходилось прятаться и бегать от них.

Потом буря снова унесла целую лодку рыбаков.

На этот раз женщин на борту не было, но это ничуть не помешало людям строить догадки.

— На этой лодке ведь не было женщин, так почему опять налетела буря?.. Может, в прошлый раз женщина на борту разгневала владыку драконов, и он до сих пор сердится?

— Не мог же кто-то переодеться мужчиной?

— Да это же безумие! Это ведь людей убивает!

...

К тому времени, как очередная волна слухов дошла до маленького духа, уже нашлись люди, уверенно утверждавшие, будто на погибшей лодке действительно пряталась женщина, переодетая мужчиной, и именно она погубила всех на борту.

Но вскоре случилась беда с ещё одной лодкой.

На этот раз все погибшие были хорошо знакомы местным: это были известные на всю округу хулиганы и бездельники, и никакой переодетой женщины среди них быть не могло.

Тогда внимание снова переключилось на мальчика. Люди заговорили, будто бури приходят одна за другой потому, что его сестра оскорбила морское божество, и нужно позвать кого-нибудь провести обряд.

Человек, приглашённый для обряда, вместе с деревенскими пришёл в дом мальчика. Они «забрали» одежду его сестры и её любимую при жизни деревянную шпильку, с грохотом гонгов и барабанов дошли до берега. Главный исполнитель в пёстрых одеждах долго распевал странные заклинания, а потом сжёг вещи сестры, превратив их в хлопья пепла, которые подхватил морской ветер.

Но и после этого кораблекрушения не прекратились.

Более того, происходить они стали всё чаще, словно зверь, однажды распробовавший мясо, окончательно вошёл во вкус. В деревнях стало всё больше беспризорников. Они сбивались группками по двое-трое: грязные, с сухими спутанными волосами, все жёлтые и худые от голода.

Кто-то потерял мать ещё в детстве, а теперь лишился и отца, за что его называли «вестником смерти».

У кого-то мать снова вышла замуж и не взяла ребёнка с собой.

А кого-то родственники выгнали на улицу, присвоив и без того скудное семейное имущество.

Маленькому духу в каком-то смысле повезло: близкой родни у него почти не было, поэтому хотя бы крошечная соломенная хижина осталась за ним. Так дети и стали поддерживать друг друга. В море ловить рыбу они не осмеливались, поэтому после отлива каждый день собирали на берегу свежих моллюсков и мелкую рыбёшку, приносили домой, подбирали хворост, варили и делили на всех.

В рассказы деревенских о том, что бедствия принесла сестра маленького духа, они не верили. Среди них был мальчик, несколько лет учившийся в частной школе и знавший немало иероглифов. Он говорил, что всё это пустая чепуха и верить ей незачем.

Если одной женщины на корабле достаточно, чтобы так разгневать владыку драконов, то в будущих морских сражениях вообще ничего готовить не нужно — достаточно забросить на вражеские суда несколько женщин.

Другие дети учиться не успели, но, выслушав его стройные доводы, дружно закивали и начали хвалить маленького школяра за острый язык, прося сказать ещё что-нибудь.

От похвалы щёки маленького школяра порозовели, и он смущённо улынулся.

Беспризорников становилось всё больше. Сначала был всего один, а теперь в маленькой соломенной хижине жили уже шестеро детей. Когда маленький дух начал тревожиться, что ещё несколько человек туда просто не поместятся, в эти места пришёл сострадательный даос. Услышав о происходящем в море, он уверенно заявил, что всему виной должно быть чудовище по имени Хай-гун, и призвал деревенских выйти вместе с ним в море и уничтожить его.

Дело к тому времени разрослось настолько, что деревни собрали больше десятка мужчин, а местная управа выделила ещё четырёх-пятерых ямёньских стражников. Вооружившись мечами и саблями, вся группа вышла в море.

Отправляясь, все считали, что людей более чем достаточно, а раз с ними ещё и даос, Хай-гуна они наверняка возьмут без труда.

Но даос ошибся в оценке его силы. Хай-гун уже пожрал слишком много человеческих жизней, и такой небольшой группе было с ним не справиться. В критический момент даос пожертвовал половиной своего совершенствования и лишь тогда сумел вывести людей из-под удара Хай-гуна, который даже не показался им на глаза.

После этого существование Хай-гуна стало негласно признанным фактом для всех рыбаков. Даос понимал, что его способности слишком слабы. Не попрощавшись, он решил уйти, но в ту же ночь дорогу ему преградили шестеро детей в траурных одеждах из грубой пеньки.

Это были маленький дух, маленький школяр и остальные. Дети окружили даоса, точно стайка щенков. Упрямые лица, ещё совсем детские голоса:

— Старший брат, ты уходишь? А как же Хай-гун?

— Простите. Моих знаний недостаточно. Я ему не противник, — печально ответил даос.

— Н-неужели... совсем нет другого способа? — Дети плакали, лица были в слезах, глаза полны мольбы. Каждый крепко обхватил даоса за ногу, словно боясь, что тот вот-вот исчезнет у них на глазах.

Они всей душой надеялись, что другой способ всё-таки есть.

Иначе кто отомстит за их погибших близких?

Даос встретился в темноте с шестью парами глаз, полными надежды. На мгновение замешкался, а затем решительно покачал головой.

По крайней мере, у праведных школ и ортодоксальных традиций других способов не было.

Но именно это мгновение колебания перед отрицательным ответом заметил наблюдательный маленький школяр. Он продолжил расспрашивать и в конце концов вытянул из даоса слова о «закладке живой сваи». Даос хотел лишь припугнуть детей, но в следующий миг увидел твёрдый взгляд маленького духа.

— Подумаешь, стать живой сваей! Если это поможет отомстить за мою сестру, я согласен на всё!

И тут же раздалась ещё пять наперебой выкрикнутых детских:

— Я тоже согласен!

Даос нарочно продолжил пугать этих глупых детей:

— Живую сваю закапывают заживо, ещё и камнями засыпают. Вы живёте у моря, наверняка падали на рифы и сдирали кожу? Так вот, живая свая — в сто раз больнее.

Он думал, что таких слов хватит, чтобы отпугнуть детей, однако в ответ снова услышал единодушное:

— Я согласен.

— Вы что, слишком много сказаний о Великом мудреце, равном Небу, наслушались? Тоже героями стать хотите? — беспомощно спросил даос.

— Кто такой Великий мудрец? Я ради сестры... Её убил Хай-гун, — отчётливо, слово за словом сказал маленький дух. — Моя сестра была моей последней семьёй.

— А у меня папа...

— У меня папа и дедушка...

...

Один за другим дети сами вскрывали свои раны, и даос наконец замолчал. Он решил уйти среди ночи потому, что понял: Хай-гуна ему не победить. Ему было стыдно смотреть в глаза уездному начальнику и деревенским, так горячо благодарившим его прежде, стыдно за собственную трусость и бесполезность.

Его первым порывом было сбежать.

Но теперь шестеро детей, едва доходивших ему до пояса, сами показали ему, что такое бесстрашие.

Его тёмные глаза засветились в ночи, словно наконец появилась решимость противостоять Хай-гуну. Он снова спросил:

— Но стать живой сваей означает навеки остаться здесь. Если здание над вами когда-нибудь разрушат, вас ждёт только полное рассеяние души.

— Значит, рассеемся.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/19046/1949211>